

Тургенев Иван Сергеевич

Рассказ отца Алексея

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Рассказ отца Алексея / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-519-77931-9

ISBN 978-5-519-77931-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

... Лѣтъ двадцать тому назадъ, мнѣ пришлось объѣхать, — въ качествѣ частнаго ревизора, — всѣ, довольно многочисленныя, имѣнія моей тѣтки. Приходскіе священники, съ которыми я считалъ своей обязанностью познакомиться, оказывались личностями, довольно однообразными и какъ-бы на одну мѣру сшитыми; наконецъ, чуть ли не въ послѣднемъ изъ обозрѣнныхъ мною имѣній, я наткнулся на священника, непохожаго на своихъ собратьевъ. Это былъ человѣкъ весьма старый, почти дряхлый; и еслибы не усиленные просьбы прихожанъ, которые его любили и уважали, онъ бы давно отпросился на покой. Меня поразили въ отцѣ Алексѣѣ (такъ звали священника) двѣ особенности. Во-первыхъ, онъ не только ничего не выпросилъ для себя, но прямо заявилъ, что ни въ чемъ не нуждается, а во-вторыхъ, я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполне безучастнаго, — какъ говорится, — „убитаго“ выраженія. Черты этого лица были обыкновенныя, дере-

венскаго тина: морщинистый лобъ, маленькіе сѣрые глазки, крупный носъ, бородка клиномъ, кожа смуглая и загорѣлая... Но выраженіе!... выраженіе!... Въ тускломъ взглядѣ едва — и то скорбно — теплилась жизнь; и голосъ былъ какой-то тоже не живой, тоже тусклый. Я занемогъ и пролежалъ нѣсколько дней; отецъ Алексѣй заходилъ ко мнѣ по вечерамъ — не бесѣдовать, а играть въ дурачки. Игра въ карты, казалось, развлекала его еще больше, чѣмъ меня. Однажды, оставшись нѣсколько разъ сряду въ дуракахъ (чему отецъ Алексѣй порадовался не мало), я завелъ рѣчь о его прошлой жизни, о тѣхъ горестяхъ, которыя оставили на немъ такой явный слѣдъ. Отецъ Алексѣй сперва долго упирался, но кончилъ тѣмъ, что рассказалъ мнѣ свою исторію. Я ему, должно быть, чѣмъ-нибудь да полюбился; а то бы онъ не былъ со мною такъ откровененъ.

— Я постараюсь передать его рассказъ его же словами. Отецъ Алексѣй говорилъ очень просто и толково, безо всякихъ семинарскихъ или провинціальныхъ замашекъ и оборотовъ рѣчи. Я не въ первый разъ замѣтилъ, что сильно поломанные и смирившіеся люди всѣхъ сословій и званій выражаются именно такимъ языкомъ.

— ... У меня была жена добрая и степенная, — такъ началъ онъ; — я ее любилъ душевно — и прижилъ съ нею восемь человѣкъ дѣтей; но почти всѣ умерли въ младыхъ лѣтахъ. Одинъ мой сынъ вышелъ въ архіереи — и скончался не такъ давно у себя въ епархіи; о другомъ сынѣ — Яковомъ его звали — я вотъ теперь расскажу вамъ. Отдалъ я его въ семинарію, въ городъ Т...ъ; — скоро сталъ получать самыя утѣшительныя о немъ извѣстія: первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ! Онъ и дома, въ отрочествѣ, отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало — день пройдетъ — и не услышишь его... все съ книжкой сидитъ да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадѣй не причинилъ непріятности самомайлѣйшей; смиренникъ былъ. Только иногда задумывался не по лѣтамъ и здоровьемъ былъ слабенекъ. Разъ съ нимъ чудное нѣчто произошло. Десять лѣтъ ему тогда минуло. Отлучился онъ изъ дому — подъ самый Петровъ день — на зорькѣ; да почти цѣлое утро пропадалъ. Наконецъ, воротился. Мы съ женой спрашиваемъ его: гдѣ былъ? Въ лѣсѣ, говоритъ, гулять ходилъ — да встрѣтилъ тамъ нѣкоего зеленаго старичка, который со мною много разговаривалъ — и такіе

мнѣ вкусныя орѣшки далъ! — „Какой-такой зеленый старичокъ?“ спрашиваемъ мы. — Не знаю, говорить, никогда его доселѣ не видывалъ. Маленькій старичокъ, съ горбиною, ножками все сѣменить и посмѣивается — и весь, какъ листъ, зеленый. — „Какъ, говоримъ мы, — и лицо зеленое?“ — И лицо, и волосы, и самые даже глаза. — Никогда нашъ сынъ не лгалъ; но тутъ мы съ женой усомнились. „Ты, чай, заснулъ въ лѣсу, на припѣкѣ, да и видѣлъ старичка того во снѣ“. — Не спалъ я, говорить, николѣ; да чтó, говорить, вы не вѣрите? — вотъ у меня въ карманѣ и орѣшекъ одинъ остался. Вынулъ Яковъ изъ кармана тотъ орѣшекъ, показываетъ намъ... Ядрышко небольшое, въ родѣ каштанчика, словно шероховатое; на наши обыкновенныя орѣхи не похоже. Я его спряталъ, хотѣлъ-было доктору показать... да запропастилось оно... не нашелъ потомъ.

— Ну-съ, отдали мы его въ семинарію — и, какъ я вамъ уже докладывалъ, веселилъ онъ насъ своими успѣхами! Такъ мы съ супругой и полагали, что выдетъ изъ него человѣкъ! На побывку домой придетъ — любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства за нимъ никакого; — всѣмъ-то онъ нравится, всѣ насъ

поздравляютъ. Только все тѣломъ худенець — и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ. Вотъ уже девятнадцатый годъ ему наступилъ — скоро ученію конецъ! И получаемъ мы тутъ вдругъ отъ него письмо. Пишетъ онъ намъ: „Батюшка и матушка, не прогнѣвайтесь на меня, разрѣшите мнѣ идти по свѣтскому; не лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха — сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь — но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя — ибо много размышлять началъ“. Доложу я вамъ, милостивый государь: опечалился я гораздо отъ этого письма — словно рогатиной мнѣ противъ сердца толкнуло — потому, вижу: не будетъ мнѣ на моемъ мѣстѣ преемника! Старшій сынъ — монахъ; а этотъ вовсе изъ своего званія выступить желаетъ. Горько мнѣ еще потому: въ нашемъ приходѣ близко двухъ-сотъ годовъ все изъ нашей семьи священники живали! Однако, думаю: нечего противъ рожна переть; знать, ужъ такое ему предопредѣленіе вышло. Что ужъ за пастырь, коли сомнѣніе въ себѣ допустилъ! Посовѣтовался я съ женою — и написалъ ему въ такомъ смыслѣ: „Сынъ мой, Яковъ,

одумайся хорошенько — десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь — трудности на свѣтской службѣ пребываютъ великія, холодъ да голодъ, да къ нашему сословію пренебреженіе! И знай ты напередъ: никто руку помощи тебѣ не подастъ; не пеняй потомъ, смотри! Желаніе мое, ты самъ знаешь, всегда было такое, чтобы ты меня замѣнилъ; но ежели ты точно въ своемъ призваніи усомнился и пошатнулся въ вѣрѣ — то и удерживать тебя мнѣ не приходится. Буди воля Господня! Мы съ матерью твоею въ благословеніи тебѣ не отказываемъ“. Отвѣчаетъ мнѣ Яковъ благодарственнымъ письмомъ. „Обрадовалъ ты меня, молъ, батюшка; есть мое намѣреніе посвятить себя ученому званію — и протекція у меня есть; поступаю въ университетъ, буду докторомъ; потому, — къ наукѣ большую склонность чувствую“. Прочелъ я Яшино письмо — и пуще опечалился; а подѣлиться горемъ скоро стало не съ кѣмъ: старуха моя о-ту пору простудилась сильно и скончалась — отъ этой ли самой простуды — или Господь ее, любя, прибралъ — неизвѣстно. Заплачу, заплачу я, бывало, вдовецъ одинокій, — а что подѣлаешь? Такъ тому, знать, и быть. И радъ бы въ землю

уйти... да тверда она... не разступается. А самъ сына поджидаю; потому — онъ извѣстилъ меня: „прежде, молъ, чѣмъ въ Москву поѣду, домой навѣдаюсь“. И точно: пріѣхалъ онъ въ родительскій домъ — но только пожилъ въ немъ не долго. Словно что его торопило: такъ бы, кажись, на крылахъ полетѣлъ въ Москву, въ университетъ свой любезный! Сталъ я спрашивать его о сомнѣніяхъ — какая, дескать, причина? — но и разговоровъ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову — и полно! Ближнимъ, говоритъ, хочу помогать. Ну-съ, поѣхалъ онъ отъ меня — почитай, что ни гроша съ собой не взялъ — только малость изъ платья. Ужъ очень онъ на себя надѣялся! И не по пустому. Экзаменъ выдержалъ отлично, въ студенты поступилъ, уроки по частнымъ домамъ пріобрѣлъ... Твердъ онъ былъ въ древнихъ-то языкахъ! И какъ вы полагаете? Мнѣ же деньги высылать вздумалъ. Повеселѣлъ я маленько — конечно, не изъ-за денегъ — я ихъ ему назадъ отослалъ и побранилъ его даже; а повеселѣлъ, потому что вижу: путь въ маломъ будетъ. Только не долго длилось мое веселье!

— Пріѣхалъ онъ на первыя вакаціи... И что

за чудо! Не узнаю я моего Якова! Скучный такой сталъ, угрюмый — слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ перемѣнился: почитай на десять лѣтъ постарѣлъ. — Онъ и прежде застѣнчивъ былъ — что и говорить! -- Чуть что — сейчасъ заробѣетъ и покраснѣетъ весь, какъ дѣвица... Но подниметъ онъ глаза — такъ ты и видишь, что свѣтлехонько у него на душѣ! — А теперь не то. Не робѣетъ онъ — а дичится, словно волкъ — и глядитъ все изъ подлобья. — Ни тебѣ улыбки, ни тебѣ привѣта — какъ есть камень! Примусь я его разспрашивать — либо молчитъ, либо огрызается. Сталъ я думать: ужъ не запилъ ли онъ — сохрани Богъ! либо къ картамъ пристрастія не получилъ ли? — или вотъ еще на счетъ женской слабости не приключилось ли что? Въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно — ну, да въ такомъ большомъ городѣ, какъ Москва, не безъ худыхъ примѣровъ и окказій! — Однако нѣтъ: ничего подобнаго не видать. Питье его — квасъ да вода; на женскій полъ не взираетъ — да и вообще съ людьми не знается. И что мнѣ было горше всего: нѣту въ немъ прежняго довѣрія ко мнѣ, — равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣ-

сѣду о наукахъ, объ университетѣ — и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ церковь онъ однако ходилъ — но тоже не безъ странности: вездѣ-то онъ суровъ да хмуръ — а тутъ, въ церкви-то, все словно ухмыляется. Пожилъ онъ у меня такимъ манеромъ недѣль съ шесть — да опять въ Москву! — Изъ Москвы написалъ мнѣ раза два — и показалось мнѣ изъ его писемъ, будто онъ опять приходитъ въ чувство. Но представьте вы себѣ мое удивленіе, милостивый государь! Вдругъ, въ самый развалъ зимы, передъ святками — является онъ ко мнѣ! — Какимъ манеромъ? Какъ? Что? Знаю я, что объ эту пору вакацій нѣтъ. — Ты изъ Москвы? спрашиваю я. — Изъ Москвы. — А какъ же... Университетъ-то? — Университетъ я бросилъ. — Бросилъ? — Точно такъ. — Навсегдѣ? — Навсегда. — Да ты, Яковъ, боленъ, что ли? — Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ; а только вы, батюшка, меня не тревожьте и не спрашивайте; а то я отсюда уйду — и только вы меня и видали. Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ — а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, нечеловѣческое словно! — Щеки этта подтянуло, скулы выпятились, кости да кожи, голосъ какъ изъ бочки...

а глаза... Господи Владыко! Что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся — и поймать ихъ нельзя; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на бокъ скрючены... Чтѣмъ стало съ моимъ Іосифомъ Прекраснымъ, съ тихоней моимъ? — Ума не приложу. Ужъ не рехнулся ли онъ? — думаю я такъ-то. Скитается какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ — а то вдругъ возьметъ да усядется въ уголъ и словно весь окоченѣетъ... Жутко таково! — Хоть онъ и грозилъ мнѣ, что уйдетъ изъ дому, если я его въ покоѣ не оставлю — но вѣдь я отецъ! Последняя моя надежда разрушается — а я молчи? — Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинять его сталъ: скажи-молъ мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, чтѣмъ съ тобою? Не убивай ты меня — объяснись, облегчи свое сердце! Ужъ не загубилъ ли ты какую христіанскую душу? Такъ покайся! — Ну, батюшка, говоритъ онъ мнѣ вдругъ — (а дѣло-то пришлось къ ночи) — разжалобилъ ты меня; скажу я тебѣ всю правду! Души я никакой не загубилъ — а моя собственная душа пропадаетъ. — Какимъ это образомъ? — А вотъ какъ... И тутъ Яковъ впервые на меня глаза поднималъ... Вотъ уже